

Таким образом биографические данные „Казанской истории“ подтверждаются характером сообщаемых ею сведений: многие факты автор действительно видел „своими очима“, о многих мог узнать только от казанцев. Прежде всего трактовка автором возникновения Казанского ханства построена не на русских письменных или устных источниках, а на казанских преданиях и легендах правящей верхушки из среды татар. Этому господствующему классу нужно было „...держать в узде эксплуатируемое большинство...“¹ населения завоеванных ими земель, и для этого было необходимо, помимо военной силы, идеологическое оружие. Правящая верхушка создала теорию преемственности власти Золотой Орды ее наследником — Казанским ханством, через потомка Бату — Саина. Саину же автор „Казанской истории“ приписывает и основание самого города Казани как „стольного града“ Золотой Орды.

Между тем археологические данные позволяют относить возникновение болгарского поселения на реке Казанке к XII веку, казанских болгар русские летописи упоминают уже в 1157 году. „Эта область уже в домонгольскую эпоху стала играть немаловажную роль. Она входила в состав Булгарского княжества, и великий князь буйгарский был одновременно и ее князем“.²

Казанское ханство, возникшее на основе распада Золотой Орды в середине XV века, не ранее 1445 года, возводится автором „Казанской истории“ к 50-м годам XIII века, т. е. к периоду расцвета власти золотоордынских ханов. Таким образом возникновение Казанского ханства под властью бежавшего из Золотой Орды Улуг-Мухаммеда и его сыновей объясняется в „Казанской истории“ как возрождение золотоордынского „стольного града“ и трактуется не как насильственный захват земли волжских болгар, а как законное обоснование татар на территории Золотой Орды.

Вымышленный рассказ о фантастическом основателе Казани — Саине, так же как и объяснение появления там в середине XV века Улуг-Мухаммеда, мог быть сочинен только в кругах самих казанских татар, возводивших свой род к Золотой Орде и приписывавших ей и основание своей столицы. Этот рассказ не мог возникнуть в „исконной среде болгарского населения Казанского царства или других народов, населяющих ее: черемис, марийцев, мордвы и также покоренных пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухаммедом“.³ Он мог возникнуть только в среде правящей верхушки казанских феодалов — ближайшего окружения хана.

Автор „Казанской истории“, исхивший в воссоздании начальной истории Казани из преданий казанцев-татар, приписывает ей трехсот-

история», которая так много обещает, представляет в действительности весьма скудный исторический материал: автор не столько заботился о подробной и точной передаче событий, не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства, сколько о высокопарности слога и широковежательности, которую в его время отличались и другие“ (С. М. Ш п и л е в с к и й. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 75). „В историческом отношении Сказание (История о Казанском царстве) не представляет ничего замечательного и не составляет исторического материала“ (А. М., Казанские губернские ведомости, Казань, № 18, 1856, стр. 156—157). Д. И. Иловайский считает, что „рассказы казанского летописца вообще не отличаются полной достоверностью и обилуют разными домыслами и прикрасами“ (Д. И. И л о в а й с к и й. История России, т. III, стр. 623).

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. XI, 1947, стр. 604.

² А. И. Смирнов. Волжские болгары. Труды Государственного Исторического музея, вып. XIX, М., 1951, стр. 61.

³ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 415.